

Елена Самойлова

В ТЕНИ ОХОТНИКА

**Книга II.
Седьмой Самайн**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С17

Самойлова, Е.

С17 В тени охотника. Книга II. Седьмой Самайн / Е. Самойлова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 314 с. — (Легенды Западного холма).

ISBN 978-5-521-92034-1

Время идет и ставки в игре под названием «охота» растут день ото дня. Не помогут уже ни бродячий скрипач с чудесной скрипкой, ни обремененный Условиями друг детства — ведь уже не только ожившая тень нагоняет чародейку Арайю на долгой дороге к поставленной цели. По пятам следуют оскорбленные фэйри и люди из волшебного Ордена, а в скором времени и Сумеркам наскучит вмешательство чародейки в чужие дела.

Седьмой Самайн уже близко, и именно он отделит друзей от врагов, подлинную любовь от фальшивой и расставит всё по своим местам...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92034-1

© Елена Самойлова, текст, 2020
© Юлия Пасынкова, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

*Автор выражает благодарность
Евгении Шпилевой и Елене Семиколенных
за интересные обсуждения,
своевременные комментарии
и помощь при создании романа.*

Пролог

*Из записок знаменитого путешественника
Сержи Круса*

Длинна цепь Цзиррейских гор, высоки заснеженные вершины величественных пиков, перевалов и горных троп великое множество, но таких, чтобы можно было перебраться на ту сторону — единицы. И всего две дороги, по которым можно с небольшим риском перейти через горы, но только в краткий промежуток времени между праздниками самого длинного дня в году и осеннего равноденствия.

Живет за Цзиррейскими горами странный, не похожий на других, угрюмый северный народ. Не любит он пришельцев, относится к ним с недоверием и подозрением, но каждый год в разгар короткого и холодного северного лета приходят эти люди к подножию Цзиррейских гор, ставят маленькие округлые палатки из хорошо выделанной кожи, разрисованной обережными символами, и ждут гостей с южной земли. Бойкая торговля идет в те дни, приносят «ледяные люди» белый пышный мех, вяленое мясо огромного зверя, живущего в далеком северном море, костяные поделки и зимнюю одежду, охотно выменивают их на железные ножи и наконечники копий, на скребки и домашнюю утварь, поскольку сами кузнечества не знают. На Перевальном Торжище любой смельчак,

отважившийся пуститься в опасный путь через Цзиррейские горы, мог сменить коробку толстых железных игл на две-три серебристо-белые шкуры снежной лисы, несколько ножей — на зимнюю шубу, и домой вернуться уже богачом.

Вот только непрост путь на этот северный «край света».

Перевал опасен не только лавинами и крутыми горными тропами, но и тем, что очень быстро становится непроходимым для пешего человека. Всего несколько недель — и над перевалом вначале сгущаются холодные густые туманы, а затем северные ветра пригоняют снеговые тучи, заметающие дорогу. Чуть-чуть опоздал — и вот уже обратный путь закрыт до весны, а «ледяным людям» и дела нет до твоей беды. Как только оканчивается Перевальное Торжище, как собирают они свои кожаные палатки, укладывают наменьянное добро на волокуши, запряженные темно-серыми, с белыми подпалинами оленями, да и пускаются в обратный путь, к берегам ледовитого моря, где и стоят их деревни-стойбища. И с собой не пустят, как ты их не упрасивай. На все один ответ — вот если приведут тебя к нам великие духи севера, тогда только и будешь желанным гостем в любом доме. А до того — чужак ты, нет тебе среди нас места, и не будет. Сам пришел — сам и уходи.

Впрочем, одному человеку все-таки удалось побывать в деревне «ледяных людей», с его слов я и пишу эту главу. Станный он человек, этот бродяга, встретившийся мне на постоялом дворе в забытом Всевышним месте. Смешливый, что малый народец, здоровый, будто медведь, а нрав такой, будто бы ничего и никого этот человек в жизни своей уже не боится. Ни людей, ни фэйри, ни поганую нечисть из Сумерек. Да и имя у него такое же, как у знаменитого бродяги «перекати-поле», про которого еще моя бабка байки травила — Раферти.

Он и рассказал мне, что как-то ходил Цзиррейским Восточным перевалом, не столько ради наживы, сколько хотелось ему посмотреть на знаменитое Перевальное Торжище. А ведь по Восточному перевалу, который ближе к месту торжища с «ледяными людьми» ни одна лошадь, ни один мул не пройдет — только человек, потому и нанимают богатые торговцы носильщиков, да побольше. Хорошие деньги сулят, треть пла-

тят вперед, остаток — как обратно людской караван вернется. И многие соглашались, хоть риск и большой. Всегда найдутся желающие испытать удачу, и не только чужое добро на обмен пронести, но и от себя чего-то прихватить.

Собеседник мой в такой караван и пошел. Неделю всего через горы перебирались, очень уж повезло с погодой — сухо, дождей не было, дорога хоть и тяжелая, крутая да капризная, но преодолимая. И так совпало, что на Перевальное Торжище очень много «ледяных людей» приехало. Будто бы не из двух-трех селений, как обычно, а со всего побережья собрались. И жадность такая «караванщиков» обуяла — сменяли все железо, что при себе было, даже засапожные ножи за пушистые шкурки отдали, а когда опомнились, было уже поздно. Затягивался Восточный перевал холодным густым туманом, пробираться в котором было все равно, что вслепую, а «ледяным людям» хоть бы что — собрали свои палатки, собрали добро, да и двинулись в обратный путь, к морю.

А Раферти за ними на почтительном расстоянии тронулся. Рассудил мой собеседник так — коли через перевал все равно не перебраться, так хоть напоследок посмотрю и на ледовитое море, и на стойбища. «Ледяные люди», видя, что идет он на почтительном расстоянии, бродягу не трогали, а когда впереди показалась деревня, то неведомо откуда вышел огромный зверь. Будто бы медведь, только больше и мех белый, как снег. Он побрел следом за бродягой в двух десятках шагов, вот только шел странно. Идет Раферти — и медведь идет. Остановится человек — и медведь встает на месте, не шелохнется. Так до стойбища и дошли, а там бродягу уже ждали «ледяные люди» и колдун их местный, чаровник и лекарь, которого местные называли «шаманом». Он-то и сказал, что раз сам хозяин моря решил проводить южного человека до теплых жилищ, то быть ему дорогим гостем в любом доме до самой весны. А то и дольше, если гость пожелает остаться насовсем.

Так и зазимовал южный бродяга у «ледяных людей», до самого лета с ними в одной яранге — доме-палатке из теплых шкур — прожил, а когда вернулся в Дол Реарт, то рассказал удивительные, невероятные вещи. Будто бы солнце в тех кра-

ях не опускается за горизонт по полгода, а остальную половину не появляется вовсе. Что долгой-долгой ночью ледяное небо расцветчивают радужные полотнища и сполохи невероятной красоты, а звезд там бесчисленное множество. Что весной у людей есть несколько дней «морского пира», когда холодное море отступает от берега, оставляя в многолетнем льду большие пустоты, куда спускаются дети и подростки, чтобы набрать полные корзины моллюсков и водорослей. Неустанно трудится младшее поколение, собирая щедрые морские дары, а старшие опасливо вглядываются в горизонт, наблюдают за морем и ждут, когда оно соизволит вернуться, заполнить холодной соленой водой ледяные пустоты у берега.

Одеваются «ледяные люди» в одежду из звериных шкур, шитую мехом внутрь и, что самое поразительное, под этой меховой одеждой, где куртка с капюшоном и штаны нередко собраны в одно целое, у них практически ничего нет. Только короткая рубашка из тонкой кожи и широкий пояс с перемычкой, опоясывающий бедра — в этой одежде «ледяные люди» остаются, когда входят в жарко натопленную ярангу и снимают тяжелый мех. Обувь у них тоже сделана из шкуры мехом внутрь, а надевают ее на носки, сплетенные из сухой морской травы. И, как утверждал встреченный мною бродяга, такие сапоги защищают от холода куда лучше самых теплых валенок и носков из шерсти и пуха, а сами по себе легкие и удобные.

Не менее невероятным мне показался рассказ о том, что великие духи севера, которым поклоняются «ледяные люди», это на самом деле фазриэ, более ста лет как покинувшие обжитую людьми часть Срединного мира. Что ожившие стихии, нашедшие себе достаточно простора на холодных пустошах у далекого северного моря, живут бок о бок с «ледяными людьми», иногда приходя к ним в человеческом или зверином образе. Проверить эту байку у бродяги, к сожалению или к счастью, возможности не было, да и не надо ему было — следующим летом он вместе с «ледяными людьми» вернулся к Перевальному Торжищу, а там ушел через Цзиррейские горы на юг, чтобы впоследствии рассказать об этом странном, нелюдимом и скрытном народе.

Возможно, когда-нибудь найдутся еще смельчаки, которые рискнут испытать удачу и попытаются напроситься на зимовку у «ледяных людей», но боюсь, что случится это еще очень нескоро. Поэтому остается только полагаться на слова бродяги с постоянного двора и оставить у этой главы пометку «непроверенные сведения» в надежде, что кто-нибудь из будущих поколений все-таки сумеет подтвердить или же опровергнуть этот рассказ...

Глава 1

День Всех Святых в Эйре был не похож ни на одно празднование из тех, что я видела ранее в этот день. Впрочем, канун первого ноября далеко не везде был праздником — скажем, в восточных княжествах к этому дню готовились, как к противостоянию света и тьмы, людских уловок против ухищрений «малого народца», а ближе к Алгорским Холмам, откуда и начинала свой бег Дикая Охота, последний вечер октября встречали, как любой другой ненастный день. С одной лишь поправкой — тридцать первого октября, еще до захода солнца, случайный путник мог постучать в любую дверь в долине у подножия Холмов, попросить убежища на ночь и получить его. Никому не отказывали в покровительстве в эту ненастную буйную ночь, хотя по правде, всерьез за свою жизнь стоило бы опасаться лишь убийце родича, клятвопреступнику или предателю. Черный Охотник — один из самых суровых судий в Среднем мире, и один из самых неподкупных. И Дикая Охота, вырываясь на волю в «волчий час», не тронет того, на ком нет преступления, но и не отпустит виновного. Впрочем, это правило действует лишь на Охоту, которую ведет Король Самайна, а ведь и помимо него с наступлением сумерек много кто выходит в мир людей поразмяться на бегу и поживиться, хоть тот же «малый народец». Что же до меня, то я предпочитаю в Самайн прятаться под защитой стен и хладного железа с заката и до самого рассвета. Пусть охотник Валь и не обращает